

— Становитесь на колени, я вас благословлю!

— То есть?

— Ну, вроде бы назначу преемником, ясно?

— Конечно! А далее?

— Далее? Если благословлю нормально, поедом в ЦДЛ, обмоем, как положено, прикинем грядущие мероприятия...

Василий Дмитриевич глянул пристально на Горького, а, тот — ничего: только палка, нам показалось, слишком здоровенная, зажата в правой руке. Василий Дмитриевич принялся быстро-быстро крестить меня, шепча какие-то странные фразы, обрывками их «ограждая» площадку сквера: «... ла-ляю... же-лаю... в-верю... вместо Василия Фёдо..до-ро-ва" и т.д.

Но пережал... Лишнее принагнул, подёрнулся вперёд и неуклюже ткнулся, а не упал — на меня, внимающего ему, опёрся. Раздался милицейский свисток. Постукивая каблучками, лейтенант козыряет:

— Чем занимаемся, граждане?

Василий Дмитриевич ответно откозырял.

— Благословляю молодого поэта!

— А?..

— Молодого поэта благословляю, текст обдумываю!

— А падать не торопитесь, падать без вас есть кому. Документы?

Фёдоров протянул удостоверение. Милиционер внимательно прочитал и засиял, цитируя наизусть:

За красоту времён грядущих
Мы заплатили красотой.

— Вставай! — прицкнул на меня Василий Дмитриевич. — Слышишь, майор милиции мои стихи озвучивает?

— Я не майор... Я лейтенант...

Фёдоров покосился на милиционера: — Лейтенант... Настоящий майор. Искусствовед! — громко заключил он.

А лейтенант между тем остановил «Волгу», такси, и пригласил нас, наказывая шофёру:

— До дома! До дома, прямо до дверей! Прослежу!

В машине душновато и жарко. Василий Дмитриевич раскился:

— А меня Твардовский, Трифонович благословил. Сначала осерчал. Я указал ему на две ненужных строфы в «Я убит подо Ржевом», он рассердился, а вышли — благословил. В бане выпили. А тебя я благословил около Алексея Максимыча. Прогресс?

Совершенно отрезвелый Василий Дмитриевич Фёдоров попрощался стихами Пушкина, до нажатия кнопки лифта:

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл.
Сулит мне труд и горе
Грядущего волнующее море.

Запнулся... И я легко продолжил пушкинское стремительное исповедание, делая вид, что я не заметил запинки:

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья...

— Будут, будут! — нажал на кнопку Фёдоров... И cabina лифта, как допотопная телега, тронулась вверх, поскрипывая и погрохатывая на этажах. Исчез поэт Василий Фёдоров, человек...

Василий Фёдоров — статный поэт, колоритный и мудрый. Слово его и образ бунтарским соком налиты, солнечной дерзостью подвига. Его любимцы — Аввакум, Бетховен — вздыбленные духом великаны. И справедливое осмысленное непокорство поэта священно. Ведь народ довели — иначе бы не поднялся он?

Поэмы Василия Фёдорова, как романы: пронзили сознание наше, внедрились в него и действуют вместе с нами. Поэмы —

жизнь. «Проданная Венера», «Золотая жила», «Седьмое небо» — группа поэм с единым сюжетным путём и в едином времени. Та же «Белая роща», появившаяся раньше «Седьмого неба», и «Женитьба Донжуана», за «Седьмым небом» рождённая, но и они едины, как сибирская дорога.

На фоне «новаторства и революционности» шестидесятых годов творчество Фёдорова выглядело чуть ли не классическим: речь упругая, яркая, система сравнений и метафор народная, чувство и мысль мастерски слиты, и всё достоверно, все по-русски, без рыночного акцента на торговлю бессмертными заветами. Русский, как большой и тёплый снег, Василий Фёдоров географично входил в литературу, западно обеспечен даром и вдохновением, входил, нас, за ним спешащих, прикрывая сибирским крылом надёжным.

Я знаю, благородные случайности взаимосвязаны: я — ученик Василия Дмитриевича Фёдорова. И Бог поручил мне проводить в последний путь учителя. На кладбище, филиале Новодевичьего, траурный митинг вёл я. Василий Дмитриевич лежал в гробу — седой, мудрый, красивый. Спокойный и независимый.

Ко мне торопливо обращались его друзья:

— Валентин, не спеши... Райса Ахматова прилетела!

— Валентин, Рая Ахматова, Ахматова Рая в аэропорту, прилетела!

— Валентин, погоди, Ахматова едет!

И не приехала, а влетела, на такси — и прямо к нему... В распахнутой коричневой шубке. Темноволосая. Кареглазая. Стройная. Поднялась, а говорить трудно. Слёзы на ресницах. Качает головою и молчит...

Я часто их видел в Переделкино, весёлых и смеющихся, не обращающих никакого внимания на встречных, словно лишь вдвоём они. Рая да Вася, Вася и Рая, шли, вечно молодые, по родной земле, он — русский поэт, она — чеченская поэтесса. А за ними — многонародная Россия, СССР! Сегодня их нет с нами. И СССР нет. Сегодня — Россия... И — НАТО...

А эти строки, за рулём автомобиля, на свистящей скорости, по трассе, я выхватывал из груди, обжигаясь и плача:

Прощание

Василию Фёдорову

Вот и ты лежишь в земле родимой,
Навсегда суров и молчалив,
А в сибирской пойме лебединой
Реют зори, плещется залив.

Ветер сник на поле Куликовом.
И теперь в Москве не видишь ты,
Как по древним тропам Ермаковым
Прорастают красные цветы.

А в доме скрипит и плачет ставень,
Вечной мглы ему не покорить.
Ну зачем же за себя оставил
Ты меня страдать и говорить?

Свет — призванью и терпенье — людям,
Умираем здесь, а не гостим.
Нужные заветы не забудем.
Грубые обиды не простим.

Не сбегали мы, не уезжали,
Хорошо иль плохо — всё одно.
Нам нигде с тобой за рубежами
Смысла и покоя не дано.

Ведь от совести не отпереться,
В тайниках судьбы не скрыть её.
Кто стрелял в твоё больное сердце,
Тот сегодня ранил и моё.

Снова грозы даль приоросили
И над миром встала синева.
Длинные бессонницы России
Перельются в думы и слова.

Перельются, в душах отзовутся,
Тихо вспыхнут звёздами в ночи.
И к твоей могиле прикоснутся
Их неодолимые лучи.

Неужели не сохранимся мы, русские все-
ленцы, в чужой и своей памяти, неужели?..

Василий ФЁДОРОВ

«Моё имя с Россией хорошо рифмовать...»

Ни в благодушии ленивом,
Ни в блеске славы,
Ни в тени —
Поэт не может быть счастливым
В тревожные для мира дни.

Беря пророческую лиру,
Одно он помнит
Из всего,
Что всё несовершенство мира
Лежит на совести его.

Знакомо,
Как старинный сказ,
Уходят женщины от нас.
Они уходят
И уносят
Холодный блеск
Холодных глаз.

Была нежна
И влюблена,
Была так долго
Мной пьяна.
Так неужель
В ней не осталось
Ни капли
Моего вина?

Зачем любить?
Зачем гореть?
Зачем в глаза
Другой глядеть?
Увы! Уму непостижимы
Две тайны:
Женщина и смерть!

Как второе пришествие,
Как сто крыльев
на взлёте,
О весёлое сумасшествие
Торжествующей плоти!..

Нежность
До первозданного
Поблдения лика,
До глухого,
горланного
Лебединого клика.

И восторг
До отчаянья,
До высокого очень,
До немного молчания,
До безмолвия ночи.

Лебедь
Крылья разбросила,
Замедляя движение...
Как на заводи озера,
Ты — моё отраженье.

О, женщина,
Краса земная,
Родня по линии прямой
Той, первой,
Изгнанной из рая,
Ты носишь рай
В себе самой.

Я говорю
Библейским стилем
И возглашаю горячо:
Не Пётр-ключарь,
А я, Василий,
Заветным
Наделён ключом.

Мы любим
По земным законам,
И соблазняешь ты меня
Не яблочком одним,
Зелёным,
А сразу спелыми
Двумя.

О, женщина,
Душа томится,
И жажда мучит
Всё сильней.
Пить!..
Пить!..
Мне пить
И не напиться
Бедовой радости твоей.
Как хорошо,
Что за крутыми
За гребнями
Далёких гор
Меня, забытого другими,
Ты вспоминаешь
До сих пор!

О, вспоминай!
В строках послушных
О нежных чувствах
Святословь.
Люби меня!
Средь равнодушных
Мне так нужна
Твоя любовь!

Бывало часто,
С жизнью споря,
Слабел я, горе затаив,
Мне чудились
В минуты горя
Цыганские глаза твои.

И было в них
Так много света,
Огня, как в золотом вине.
Как хорошо,
Что где-то, где-то
Ты вспоминаешь
Обо мне!

По главной сути
Жизнь проста:
Её уста...
Его уста...

Она проста
По доброй сути,
Пусть только грудь
Прильнёт ко груди.

Весь смысл её
И мудр, и прост,
Как стебелька
Весенний рост.

А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
В куще облаков?

То всё ошибки,
Всё накладки
И заблуждения
Веков.

А жизни суть,
Она проста:
Её уста,
Его уста...

Я видел:
Ещё до рассвета
Он шёл от тебя,
точно вор...

Как только увидел я это,
Тебя ненавижу с тех пор.
О, как ненавижу!
Ну, кто ты?!
И так, ненавидя, люблю,
Что вымажу дёгтем ворота
И окна тебе разобью.
В подъезде забесятся львицы,
Твою сторожившие честь.
Плевать мне на то,
Что в столице
Смешна деревенская месь.